

Западёнки времени

Как-то один знакомый повёз меня на природу, а заодно прихватил металлоискатель. Было у него такое увлечение – по заброшенным землям монеты искать. Ради этого посетил исторический музей города и отсканировал старую географическую карту, на которой были указаны деревеньки и погосты, уже лет сто как исчезнувшие с лица нашей области.

Стояла сухая осень. Мы припозднились с выездом. Пока возились со сборами, перевалило за полдень. Знакомый заранее выбрал место на карте и пообещал мне замечательные берёзовые рощи и ивняки с мелкими прудами. Но когда мы добрались до места, оказались в степи со вспаханными после уборочной полями. Ни тебе берёзовых рощ, ни тем более пруда. На многие километры – поля с редкими островками высокой травы и кустарника.

Мы нашли небольшое возвышение, напоминающее земляной вал, с зарослями шиповника и низкой черёмухи. Там и расположились. Пока знакомый бродил с металлоискателем по полям, выкапывая консервные банки и мелкие железяки, выроненные старой посевной техникой, я собрала сушняк для костерка и потом бесцельно гуляла по округе. Земляной вал заворачивался в чёткий полукруг, местами виднелись огрызки каменных столбов. И ничего деревянного, если предположить, что здесь когда-то было поселение, никаких останков построек. Только торчал по кромке вала сухостой ракиты и кустился серебристый тополь.

Земляная дорога тоже делала полукруг вдоль вала, потом резко, почти под прямым углом, поворачивала в поля. От знакомого я слышала, что такие дороги со временем смещаются: земля движется, как барханы в пустыне, только гораздо медленнее, может, за сто лет всего на полметра.

Мне стало любопытно. Я вытащила карту, раскинула на капоте машины, углы придавила термосом и камушками. Долго разбиралась в географических знаках и пометках. Это как разглядывать довоенные чёрно-белые фотографии: людей нет, а образ остался. Так и здесь. Указатели на деревни есть – но их уже давно нет. Нашла вал и дорогу. Оказывается, в начале XIX века здесь проходила граница между уездами и стояла дорожная застава, где проверяли проезжающих и с каждого воза взымали мзду. Эх, моему знакомому бы не по полям ходить, а этот вал обойти! Где застава, там и монетки. А ещё стало понятно, почему вместо берёзовых рощ мы оказались посреди вспаханных полей: знакомый выбирал место по карте, которой почти сто лет. Век назад здесь действительно были и березняки, и пруд, но их снесло временем.

Я развернула костерок, налила чай из термоса и устроилась на дорожном раскладном стульчике. Небо затянуло дымчатым покрывалом облаков, но кое-где в рваные прорехи струился солнечный свет – словно искал что-то на земле. Хорошо было смотреть на вал, поросший невысоким кустарником, на дорогу-ладонь, раскатанную и стремящуюся в степь, мимо пахотной земли. Что ж, ограничимся сегодня обычным любованием скучным пейзажем. Сама напросилась в эту поездку – чего теперь пенять.

Всё же капелька сожаления тревожила, а быть может, ещё и досада, что не получится – опять не получится! – прикоснуться, ухватить то странное, в некоторой степени мистическое ощущение древности. У меня есть – не знаю, как это назвать, – дар

или способность видеть прошлое старых вещей. Не всех, слава богу (или кого уж там благодарить), а таких, с которыми связано важное событие. Этот дар я обнаружила совсем недавно, чуть больше года назад, но он успел здорово потрепать и мои нервы, и мои планы. Я выросла в деревне и, окончив школу, поехала в Омск поступать на экономический, но через год неожиданно для всех – бедные родители! – перевелась на исторический. Довольно серьёзная разница в планах на будущее, не находите?

Поначалу эта способность пугала меня, но с каждым новым открытием манила прикоснуться снова и толкала на поиски, чаще всего безуспешные. Новый знакомый не привлекал меня ни внешностью, ни характером, я сразу распознала в нём зануду. Но стоило мне узнать, что он любит искать клады по заброшкам, я тут же беззастенчиво напросилась в ближайший поход.

Когда же пришла ко мне эта страсть к старине, страсть к развалинам и вещам былых времён? Вспомнила сразу! Как можно забыть первое ощущение? Усмехнулась. Это как первый поцелуй или потеря девственности – впечатление на всю жизнь, не забудешь.

В колледже мне, деревенской девчонке, многое казалось в диковинку, и когда новая компания одногруппников позвала отметить начало курса в пивном баре, я не раздумывая согласилась. Бар находился в подвале старого трёхэтажного здания. Мы ещё только подходили к нему, а я неожиданно ощутила холодок – не сквозняк или ветерок, а настоящий холод, словно я разом, без нырка, оказалась на дне реки. И чем ближе мы подходили, чем глубже спускались в подвал бара, тем плотнее, тревожнее становился холод.

Поначалу я не придала этому значения, но, спустившись в просторный зал, почувствовала себя плохо. Увидев лавку у стены, я сразу села, чтобы отдохнуть и переждать головокружение. Но стоило мне прислониться спиной к кирпичной стене, сразу навалилась глухота, и с ней ощущение глубокой воды стало сильнее. Тревожность исчезла, на смену пришёл покой. Реальность помутнела, исчезла стойка бара, деревянные столы и лавки. Размылись, словно акварельная краска, силуэты людей – сквозь них пропустила другая картина и другая жизнь.

Я увидела белые стены и сводчатый потолок. Вдоль стен стояли койки, на них лежали раненые мужчины в белых рубахах, за ними ухаживала сестра милосердия. А в проходе между рядами коек стояла группа людей в военной форме. Среди них выделялся статный мужчина, и мне сразу стало понятно, что он главный. Возможно, генерал. Он внимательно слушал отчёт офицеров и одновременно смотрел на раненых...

Одна из девочек моей группы с силой тряслась меня за плечо и звала по имени. Картина склонула, всё стало обычным. Это длилось, наверное, несколько секунд, и я хватала воздух, как рыбёшка, выброшенная на траву. Девочка вывела меня наружу, где я окончательно пришла в себя. Испугалась я тогда изрядно: что ещё за видения свалились на мою голову?! И всё бы, наверное, пережилось – обдумалось и забылось, если бы не занесло меня на улицу Броз Тито. Там заканчивали реставрацию одного старого здания, в котором разместили известный теперь на весь город ресторан. На здании висел портрет адмирала Колчака, в котором я узнала того самого статного мужчину из своего видения. Чтобы удостовериться, я отправилась в бар, в котором всё произошло, но бара уже и не было. Здание закрыли на реставрацию, и на вывеске я прочла, что в 1918 году здесь располагался госпиталь, который посетил сам адмирал Колчак.

Лихорадочное возбуждение не оставляло меня несколько дней. Ничего подобного раньше я не испытывала, каких-то особых увлечений в деревне у меня не было – разве что

книги любила читать да исторические фильмы смотреть. Но это же не повод, чтобы по прибытии в город открыть в себе пугающую и совершенно ненужную способность считывать историю старых вещей и мест. Почему ничего мистического не происходило со мной раньше? Я быстро догадалась: родной совхоз основали только в 1952 году, осваивать целину приехали молодые семьи из рабочих и крестьянских семей, и никакой потомственный князь или ещё кто другой полудворянских кровей с наследными вещицами столетней давности не затесался. У меня не было случая обнаружить свою способность раньше. Но стоило приехать в город, едва ли ни в первый же день зайти в здание, которому больше ста лет, – и вот, пожалуйста!

Я решилась на эксперимент. Раньше мне и в голову не приходило ощупывать стены старых зданий, но сейчас мне нужно было себя проверить. Первое, что мне пришло в голову, – это прикоснуться к старым воротам города. Ворот оказалось четыре. Старейшими были Иртышские, построенные в 1768 году, но я выбрала Тобольские, возведённые в 1791-м. Всё-таки через эти ворота провели Федора Михайловича Достоевского, и я надеялась на то, что если накроет видением, то будет вереница арестантов, бряцающих кандалами, среди которых окажется и будущий великий писатель.

Со стороны, должно быть, это выглядело комично: совсем молодая курносая деваха ощупывает ворота, обходя их со всех сторон. Сначала я, внутренне трепеща, положила руки на стену и замерла, прислушиваясь к ощущениям, но ничего не случилось: ни холода, ни видений. И вот тогда, забыв о том, что кругом, несмотря на ранний час, прогуливаются жители и гости города, я стала обходить каждую стенку и ощупывать лепнину. Ничего!

Поначалу я даже обрадовалась. Нет видений – и хорошо! Значит, я самая обычная деревенская девчонка, без всяких мистических отклонений. Но вскоре всерьёз загоревала: переживание далёкого прошлого было настолько сильным, что тяга испытать его снова оказалась сильнее страха быть не такой как все.

На новогодние каникулы нашу группу пригласили в городской историко-краеведческий музей. Со всеми этими мистическими делами мне как-то в голову не пришло посетить его раньше. В музее я ощутила знакомый холодок – не такой силы, как в подвале бара, но хватило, чтобы поднять во мне волну тревоги и одновременно детской ошеломлённой радости. Неужели снова увижу что-то из древнего прошлого! Как только я зашла в большой зал музея, в голову хлынули голоса – но никаких видений. Голосов было так много, что я ничего не смогла разобрать, и меня снова вывели из здания в полуобморочном состоянии.

Целый день ушёл на то, чтобы понять, почему с Тобольскими воротами ничего не вышло. Догадалась почитать в интернете и узнала, что все ворота города прошли серьёзную реставрацию. Если что-то и осталось в Тобольских воротах от самой первой кирпичной кладки, то она была глубоко запрятана. Остальные – Иртышские, Тарские и Омские – полностью перестроили. Должно быть, потому видение в баре и было таким явственным. Я прикоснулась к кирпичной стене, с которой содрали извёстку: весь дизайн помещения был под лофтом.

Крик невидимой птицы вырвал из воспоминаний. По небу плыла всё та же пенистая пелена облаков, солнце смеялось – вечерело. Вроде и костёр неплохо горит, и горячий чай в кружке греет руки, а что-то озnob пробрал. Я подкинула в костёр ещё сушняка. Знакомый, поначалу ушёдший далеко в поле, теперь медленно возвращался, всё

также водя металлоискателем над вспаханной землёй. Может, нашёл что-то, просто не торопится мне показать.

После случая с музеем я поняла, что мне там делать нечего. Почти все экспонаты под стеклом, и вряд ли мне позволят взять в руки какой-нибудь черепок или украшение. Я не видела смысла посещать и другие музеи: вполне возможно, что и там меня ждёт гул множества голосов прошлого, в котором ничего не разобрать.

Жизнь шла своим чередом. Я училась в колледже, обрастала новыми знакомствами. Иногда меня окатывало волной холода. Порой – довольно сильной, так что посреди знойного дня я начинала мёрзнуть, чаще всего – на улицах, рядом с историческими зданиями. Порой – лёгкая, как сквознячок: на рынке, рядом с ломбардом или мужичком, торгующим книжками и серебряным ломом. Всякий раз я замирала и прислушивалась: а вдруг?

В колледже я познакомилась с одной девочкой, мы с ней подружились, и она пригласила меня в гости. Её квартира была в центральной части города в новом доме, но стоило мне переступить порог, как знакомый холодок окатил с головы до ног. Моя подруга оказалась из семьи коренных омичей: пять, а то и шесть поколений, я поняла это по семейным фото на стенах. Она пригласила в свою комнату, и там я увидела в углу у окна старинную этажерку, дореволюционных времён, из металла, филигранной работы. Я восхитилась, и мне рассказали, что это наследство бабушки, которая умерла несколько лет назад. На полочках этажерки стояло несколько фарфоровых фигурок, расписной, под гжель, чайный набор, а ещё лежала серебряная брошка со вставками из малахита. Центрального камушка в ней не было.

Видя моё любопытство, подруга рассказала, что броши больше ста лет. Один уральский купец подарил её прабабушке моей подруги, и украшение стало передаваться по женской линии. К сожалению, центральный камень, довольно крупный изумруд, потерялся, и случилось это в день смерти бабушки.

Подруга ушла заваривать чай, а я, ни секунды не раздумывая, подошла к этажерке и взяла брошку в руки. Холод окатил меня так, словно со всех сторон разом хлынула вода, и заложило уши. Комната расплылась акварельными мазками. Этажерка стояла в том же углу, у окна, а рядом, в кресле, сидела очень старая женщина. Вид у неё был уставший и строгий, с печатью такого благородства, что назвать её бабушкой язык не поворачивался. Женщина смотрела в окно и о чём-то напряжённо думала: была в её глазах какая-то горечь. Она то и дело трогала брошку, на высоком, под самое горло, воротнике блузки. На одной из полок этажерки лежали бумаги, женщина бросала на них взгляд и тяжело вздыхала – так, словно ей не хватало воздуха. Вдруг она закашлялась, хотела расстегнуть брошь, но та не поддавалась, и женщина что есть силы рванула её. Крупный зелёный камень отлетел в угол.

Когда подруга зашла с чашками, я сразу положила брошку на место, извинившись. Она отмахнулась, мол, ничего страшного, лежит и лежит себе на полке, всей ценности – серебро и малахит, кому оно надо? Подбирать подходящий камень долго и сложно. Её мама как-то сходила к одному ювелиру, а тот пожал плечами, сказал, что камень нужен едва ли не двухсотлетней давности, а подгонять под старину хлопотно и дорого. Брошь затерялась бы в вещах, если бы не была семейной реликвией, да и бабушка очень её любила.

Пока подруга говорила, я отогревалась чаем и в растерянности думала: сказать ей о видении или забыть, как страшный сон? Расскажу – примет меня за ненормальную, тогда

нашой дружбе конец. А изумрудик лежал под плинтусом: закатился в дырку от провода, и кто бы догадался его там искать! Так и не решилась.

Время шло своим чередом, а то видение не оставляло меня в покое. Даже снилось, что благородных кровей старуха сидит у окна и осуждающе на меня смотрит.

Промаявшись так месяц, а то и два, я пошла к подруге и всё ей выложила как есть. Что угодно ожидала: и криков, что я ненормальная и мы больше не друзья, и оскорблений. Однако она несколько секунд внимательно смотрела на меня, а потом кинулась к этажерке, отодвигать. Рванула на себя плинтус, поковыряла щель между стеной и полом – и вытащила запылённый изумруд. Рыдала от радости в три ручья, и я вместе с ней.

Да, долго ещё этот камушек меня тревожил. Вернее, тревожили мысли о природе моих видений, попытки разобраться без посторонней помощи. Хотя в подруге я с тех пор обрела крепкую поддержку. Она рассказала о документах, на которые с такой горечью смотрела бабушка в моём видении. Это были конверты с официальными письмами из военкомата. Её младший сын пропал без вести на чеченской войне, она делала запросы, пока не пришло последнее письмо о том, что он погиб. Извещение от бабушки скрывали, но она его нашла.

Брошь, малахит, изумруд, уральский купец – всё это толкнуло меня к мысли, что время оставляет свои западёнки в ткани мира, и они только и ждут, чтобы их кто-нибудь нашёл. Но много ли на свете таких странных, как я? И что нужно мне от этих видений? Разве только понаблюдать, побывать одиноким зрителем. Почувствовать покой глубокой воды или земных недр. Убедиться, что время не выбрасывает события в небытие прошлого, как в бездну, что всё ещё может вернуться, напомнить о себе. Короче, а ну его, этот экономический факультет.

Сидя на раскладном стуле посреди перепаханных полей, я продрогла. Ни костёр, ни горячий чай не помогали согреться, и я плотнее закуталась в тёплый палантин. Тут, облака разошлись, на дорогу ухнул столб солнечного света, и помстилась мне застава с разлинованным деревянным шлагбаумом и будкой и казаки, бегающие кто с бумажкой, а кто с пустым мешком.

Вдоль дороги – вереница возов и подводов. В нескольких метрах от меня, едва не загораживая всю дорогу, стояла крестьянская телега, пустая, запряжённая старенькой уставшей лошадёнкой. Рядом с ней топтался мужик и нервно чесал бороду, поглядывал, как другие показывают бумаги и платят за проезд. Раздумывал, надолго или нет, и стоит ли откатить подальше свою колымагу: не ровен час, кто из дворянства нагрянет на тройке – не зашибли бы. Он продал овёс на базаре и не очень-то хотел расставаться с деньгами, но что поделать: не заплатишь, сколько требуют, – могут и всё отобрать.

Рядом с мужиком переминался вихрастый, с тёмными волосами подросток лет десяти, а может, двенадцати: в холщовой рубахе, подвязанной верёвкой, потёртых штанах и стоптанных лаптях. Маялся от скуки и нетерпения, тоже хотел поскорее попасть в родную избу. А ведь ещё сколько-то ехать! Может, только к ночи и доберутся, когда звёзд высиплет на небе, что семечек из подсолнуха. Отец к тому же опасается ворья на дороге. Ох, скорее бы домой!

Парнишка сел на телегу, чтобы перемотать портянки. Повертел головой по сторонам – не видит ли кто, чем он там занят? – и вытащил из портянки монету. Подержал на ладони, радуясь, что отец щедро наградил его за работу. Помечтал о том, как потратит деньги. Неожиданный громкий окрик вырвал из грёз – он вздрогнул, запихал монетку

обратно в портянку, быстро обмотал ногу и кинулся помогать отцу, не заметив, как монета проскользнула между слоёв ткани и шлётнулась в дорожную пыль...

Серое полотно облаков поплыло дальше, унося солнечный столб, а вместе с ним и видение.

Чай давно остыл, а я так и замерла, осмысливая то, что произошло. Подошёл мой попутчик, раздосадованный, принял от меня кружку, выпил чай залпом. Оказалось, так ничего стоящего и не нашёл. Ещё удивился, что пахотные поля усеяны белыми от ветра и солнца костями домашних животных. Выросшая в деревне, я объяснила ему, что так удобряют поля: кости подолгу томят в огне, а потом развеивают пепел. Остатки разъедает земля. Я посоветовала ему пройтись с металлоискателем по валу, сказав, что нашла на карте пометки о бывшей здесь, более ста лет назад, заставе.

Он устало вздохнул и разрешил взять прибор, и самой поискать, если уж так охота: «Что найдёшь – всё твоё будет». Я согласилась и, резво подхватив металлоискатель, сразу от костерка пошла водить по земляной дороге. Знакомый посмеялся надо мной: только глупец будет искать там, где всё на виду. Но я не слушала его, а уверенно шла к тому самому месту, где увидела телегу и вихрастого подростка. Шаг за шагом продвигалась, обводя обе накатанные дорожные линии. Уже подумала, что зря потянулась за видением: не было ещё такого, чтоб сначала увидела и только потом прикоснулась. Как вдруг металлоискатель громко пикинул, потом снова – и мой знакомый, бросив начатый бутерброд, побежал ко мне с лопаткой: «Неужто чего нашла?!»

Я стояла столбом и смотрела, как он раз-другой копнул обкатанную, как речной гольш, землю. Потом поводил над вывороченными кусками и, убедившись, что металлический предмет находится в них, осторожно развернулся рукой. Наконец вытащил ржавый, почти чёрный кругляш – монету!

Очистив её, вооружился маленькой складной лупой, внимательно осмотрел и сообщил, что находке больше двухсот лет, но ценности в ней мало. Монетка оказалась пятью копейками Елизаветинской эпохи, и даже можно было разглядеть вензель царицы, но на другой стороне чеканка стёрлась, а две глубокие зазубрины мешали определить год выпуска. Таких монет было великое множество – часто находили глиняные горшочки, залитые воском или сургучом и набитые мелкой деньгой. Знакомый посмеивался: таких и у него почти полная литровая банка, а вот если бы серебро, а лучше золото! Посоветовал не носить её на шее: медная, она окисляется и вызывает раздражение на коже. Глядя на мой ошеломлённый и растерянный вид, он усмехнулся и пошёл к машине. Сообщил, что перекусит, и будем собираться домой.

Я села в траву возле дороги, разглядывая монетку. И чем больше размышляла о ней, тем большую ценность она для меня приобретала. Не на шее носить эту монету, а хранить на книжной полке, на подставке. Где ж ещё быть путешественнице во времени, как не среди книг. Хотя не много-то она и путешествовала: сотню лет пролежала в земле, став ключом к временной западёнке. Смешалась вместе с дорожной колеёй, в которой лежала, – на север или на юг, кто ж знает. Но было такое чувство, что она не только памятка. И сотню лет назад тут жили люди, и был у них простой тяжкий быт, и этот паренёк, сидящий на телеге, тоже был. Время отразилось в этой монетке и застыло, став маленьким посланием. Только о чём? Возможно, о том, что застывая фрагментами, время продолжает двигаться вперёд, создаёт течение жизни.

Я гоняла ржавую монетку между пальцев. Что за напасть такая этот мой дар? Что мне с ним теперь делать, как применить? Но до чего же интересно открывать западёнки

времени, видеть людей и события, запечатлённые в ткани мира!.. С какой-то щемящей грустью я думала обо всём этом, и одновременно чудился мне подросток в холщовой рубахе и лаптях. Он сидел на пустой телеге, озирался на отца: не пора ли ехать? Он болтал ногами, мечтая поскорее попасть в родную деревню, и ёщё не ведал о своей потере.

Неожиданно пиликнул сотовый – надо же, а я думала, здесь не ловит. Глянула: пришло сообщение от подруги. Я прочитала и вздрогнула всем телом. Вот оно. Зря, что ли, сидела и раздумывала, взглядываясь в западёнку. Подруга просила не злиться на неё и быстрее вернуться в город. Она не сдержалась и разболтала о моей способности своей двоюродной тётке – та давно пытается отыскать вторую половинку метрики, по которой она вроде как потомок известного княжеского рода, и нужна моя помощь.

Телега с вихрастым пареньком медленно тронулась и покатила по пыльной дороге в даль...

Август-сентябрь 2022